

Ариадна Кузнецова
Москва

Произойдет ли в XXI в. смена парадигмы в изучении уральских языков?

В последние десятилетия в лингвистике произошли существенные изменения, которые нельзя не учитывать и в финно-угроведении. Именно поэтому вопрос, вынесенный в заглавие доклада, является весьма актуальным.

Возникновение теоретической лингвистики как самостоятельной науки

Формирование в Европе лингвистики как самостоятельной науки происходило в XIX в. на базе индоевропейских языков. В XX в., в период между двумя мировыми войнами, лингвистика европейского типа начала выходить на такой теоретический уровень, что ее достижениями стали пользоваться различные европейские национальные школы, в том числе, относящиеся к лингвистикам неиндоевропейских народов. При этом лингвисты-индоевропейцы сами тоже знакомились с неиндоевропейскими традициями, осваивая новый языковой материал. В результате к концу XX в. в отличие от ситуации начала века с ее изолированными и равноправными научными центрами (в Чехословакии, Дании, Швейцарии, Франции, России, точнее, в бывшем СССР, и др.) усилилась нивелировка национальных традиций, замедленная в ряде стран в силу культурных или политических причин.

Наряду с европейской в мире существовали и продолжают существовать и другие национальные филологические традиции, напр., китайская, арабская, японская, порою более древние, чем европейская наука. В некоторых из них постепенно произошел синтез традиционной и западноевропейской лингвистики, другие заметно модернизировались.

В середине века начали притягивать к себе общее внимание центры лингвистики в США, образовавшиеся еще в первой половине века и выросшие из практических потребностей преподавания иностранных языков и изучения языков американских индейцев. Наука о языке, основанная на европейской лингвистической традиции, затем слившейся с американской, из европейско-американской превратилась в единую лингвистику и **вышла на уровень мировой науки** (косвенным доказательством этого служат Международные конгрессы лингвистов, проходящие наряду со съездами отдельных национальных лингвистик¹). **Основные понятия лингвистики и методы исследования** (но, к сожалению, далеко не вся терминология) **становятся наднациональными**. Лингвистика начинает рассматриваться как единая для всех языков мира теоретическая наука (подобно тому, как являются едиными другие

¹ Напр., среди частных (национальных) лингвистик, изучающих индоевропейские языки, выделяются *славистика, германистика, романистика* и т.д., в которых соответствующими языками занимаются в разных странах как носители этих языков, так и лингвисты, для которых изучаемые языки не являются родными. Точно так же имеется *финнистика, мордовистика, пермистика, самодистика* и т.д., но одновременно как обобщающий термин для всех этих национальных лингвистик используется и термин "финно-угроведение", реже "уралистика" (последний представляется более оправданным). За термином "финно-угроведение" или "финно-угристика" разумно сохранить его первоначальное значение "финно-угорской исторической компаративистики" подобно тому, как термин "индоевропейстика" до сих пор означает сравнительно-историческое изучение языков индоевропейской языковой семьи, но не распространяется на название лингвистической науки, занимающейся изучением языков всей индоевропейской семьи.

гуманитарные, естественные, технические науки – история, биология, кибернетика и т.п.). Параллельно с ней могут и должны существовать лингвистики, изучающие языковые семьи и отдельные ветви генетически родственных языков и использующие основные понятия и методы науки на более узком, конкретном материале, но национальных лингвистик, у каждой из которых есть свои понятия, термины и методы анализа, отличные от таковых в общей для всех лингвистике, в ближайшем будущем не должно быть. (Особенно губительным для многих частных лингвистик является наличие своей, порою весьма специфичной терминологии²). Вместе с тем, под влиянием национальных лингвистик, мало-помалу втягиваемых в русло развития общемировой лингвистики, происходят изменения и в общей лингвистике, обогащаемой новыми данными.

Достижения лингвистики и ее основные научные парадигмы

Оценка достижений лингвистической науки во многом зависит от того, *когда* и *кем* дается эта оценка. Чем дальше столетие уходит в прошлое, тем четче вырисовываются достижения предшествующего века. С большого расстояния лучше видны переломные моменты в развитии науки, ее наиболее значительные фигуры.

Сравнивая парадигмы, господствовавшие в разные исторические периоды, можно заметить их нестрогую цикличность, некоторое сходство в различные эпохи. В течение всего периода формирования лингвистики, начиная с XIX в., наблюдается несколько основных конкурирующих и сменяющих друг друга подхода к языку, частично пересекающихся друг с другом: синхронный – диахронный и формальный – смысловой. Если XIX в. прошел под знаком компаративистики и младограмматизма, что способствовало изучению того, как *развивается* язык, то одним из главных итогов XX в. явилось восстановление в правах синхронной лингвистики, в результате чего лингвисты обратились к поиску ответов на вопросы, как *устроен* язык и как *функционирует* язык. При определении того, как *устроен* язык, на первый план выходил то формальный, то смысловой критерий. На смену дескриптивизму с его формальным дистрибутивным методом при определении не только структуры слова, но и значения, постепенно пришла когнитивная семантика. С усилением в конце века интереса к проблемам функционирования языка обнаружилось, что данный вопрос не может быть решен средствами одной лингвистики, в связи с чем лингвистика сблизилась с психологией и социологией, стремясь учитывать человеческий фактор в лингвистике: так возникла психо- и социолингвистика. Постоянно расширяющийся предмет исследования в результате описания все большего числа языков предопределил развитие типологии, что, в свою очередь, привело к значительному уменьшению европоцентризма в исследованиях и, тем самым, к упрочению лингвистики как мировой науки. В результате в XX в. в качестве **основных научных парадигм**, во времени и в подходах к анализу языка порою совмещавшихся, могут быть названы следующие: **структурализм** (с его разновидностями – глоссематика, дескриптивизм, функциональная лингвистика), **генеративизм** (версии трансформационных и порождающих грамматик), **неофункционализм** (коммуника-

² Это затрудняет сопоставление языков по тому или иному признаку, выведение общих закономерностей. В современной уралистике, напр., одна и та же категория получает разные наименования в прибалтийско-финских, самодийских, пермских и др. группах языков этой семьи, что затрудняет не только типологические, но и исторические исследования. Так, в пермской группе в разные годы даже в одном и том же языке по-разному назывались падежи: существовали то русские, то латинские наименования падежей; в разных прибалтийско-финских языках зачастую различно именуются аналогичные, структурно сходные инфинитные формы и т.д.

тивная, когнитивная парадигмы и т.п.). К сожалению, финно-угроведение не было втянуто в полной мере ни в одно из этих направлений лингвистики.

Завершение определенной традиции в подходе к языку, предшествующее ее кардинальному обновлению, изменение во взглядах на язык, смена "точки отсчета" при анализе языковых явлений приходят не сразу: ростки нового постепенно накапливаются в недрах прежней лингвистики, подготавливая смену парадигмы. В последнее десятилетие лингвисты переходят, судя по растущей активности в этой области, к типологической парадигме, возглавляемой Ассоциацией лингвистической типологии (ALT), возникшей в 1994 г.

Появление новых дисциплин в лингвистике не означает, что исчезают старые, когда-то приоритетные направления и традиции. Лингвисты никогда не забывали компаративистики, которая в конце века поднялась на более высокую ступень. Сравнительно-историческое языкознание обогатилось новыми методами исследования: методами внутренней реконструкции, глоттохронологии. Компаративистика расширила количество сравниваемых языков и углубилась на временной оси: появилась ностратика, занимающаяся сравнением на уровне праязыков.

Роль конгрессов в развитии лингвистических направлений

Если период рубежа веков ("конец века") настраивает на подведение итогов столетия в целом и на определение перспектив развития науки в будущем, то на протяжении всего XX в. лингвистическое сообщество неоднократно подытоживало развитие лингвистической мысли в тот или иной период, предлагало и обсуждало новые темы, выделяло приоритетные направления, то есть в какой-то мере занималось планированием языковых исследований. В смысле подытоживающей и направляющей силы в развитии лингвистических направлений нельзя недооценивать роль международных симпозиумов, конференций и особенно конгрессов.

Начиная с 1928 г., лингвистическое сообщество пытается взять на себя задачу планирования языковых направлений, что четко видно по Международным конгрессам лингвистов (МКЛ), которые были поддержаны конгрессами отдельных групп языков. МКЛ часто называют зеркалом лингвистической жизни, ее отражением.

Впервые Международный конгресс лингвистов собрался в Гааге в 1928 г.³ По инициативе К. К. Уленбека и Й. Схрейнена, тогда же был создан Международный комитет лингвистов, работавший в интервалах между конгрессами. На I-ом МКЛ из 40 докладов только четверть была по общей лингвистике, а из числа этих докладов семь – по диахронической тематике, что указывает на сохранявшееся господство компаративистики в лингвистике этого периода. На I МКЛ произошло выделение лингвистики из филологии и ее эмансипация от других смежных наук, с частью которых на последующих конгрессах началось повторное сближение, но уже на новом уровне ("наведение мостов" с другими смежными науками, от которых на I МКЛ лингвистика получила автономию, происходило в 1962 г. на IX МКЛ в Кембридже, США, где господствовал дух интеграции). Изучение историографии МКЛ наглядно демонстрирует витки в развитии лингвистики в XX в., отмечает смены научных парадигм, подытоживает пройденные этапы, фиксирует периоды большой раздробленности в лингвистических интересах языковедов разных стран (свидетельством чему служит VI МКЛ в Париже 1948 г.), показывает зарождение новых дисциплин, тесно связанных с лингвистикой. Так, напр., зарождение

³ Следует помнить, что к этому времени уже существовали в разных странах лингвистические центры, где разрабатывались свои версии структурализма, как, например, копенгагенский, пражский структурализм и другие его разновидности.

социолингвистики происходит на IV МКЛ в 1936 г. (Копенгаген), а психолингвистики – в 1967 г. на X МКЛ (Бухарест). Развитие социолингвистики шло неравномерно: напр., в области изучения уральских языков оно оживилось после XV МКЛ (Квебек), когда в 1992 г. появилась Европейская Хартия о региональных языках меньшинств, принятая Советом Европы 5 ноября 1992 г. в Страсбурге, и было объявлено о необходимости создания Международной “Красной книги” языков народов мира; 1993 год был назван ООН годом коренных малочисленных народов мира, которых очень много в группе финно-угорских языков и к которым относятся все самодийские; этому же способствовала резолюция Генеральной Ассамблеи ООН (от 21 декабря 1993 г. № 48/163), провозгласившей десятилетие 1994–2004 гг. Международным десятилетием коренных народов мира. На IX МКЛ (1962) произошел сдвиг в ориентации лингвистических исследований от диахронии к синхронии и в сторону общетеоретических проблем (если, как уже говорилось, в 1928 г. на I МКЛ доклады по теории лингвистики составляли лишь 25% и по преимуществу касались вопросов диахронии, то в 1962 г. на IX МКЛ их было 67% и в основном на базе синхронии). Следует, наконец, упомянуть VIII МКЛ в Осло (1957 г.), когда обсуждались вопросы о том, что может дать типология для сравнительно-исторического языкознания, каково значение дистрибуции как метода исследования, что дает новая техника для акустической фонетики, и ряд других.

В изучении генетически родственных языков разных групп одной семьи и языков разных семей также происходила активизация научной деятельности. В 1929 г., вскоре после I МКЛ, был созван I-ый Международный съезд славистов (МСС); к настоящему времени их прошло 12. Тюркологи в 1999 г. провели свой VII-ой Международный конгресс в Истамбуле. Проведение Международных конгрессов стало нормой лингвистической жизни.

Конгрессы финно-угроведов появились в период между VIII и IX МКЛ – в 1960 г., то есть спустя почти 30 лет после I МКЛ. Тематика первых конгрессов свидетельствует о большом разбросе научных интересов у участников заседаний; преобладали доклады на узкие темы, стоящие в стороне от основных лингвистических направлений того времени (впрочем, встречались изредка доклады и на злободневные темы, напр., выступление И. Батори на III конгрессе 1970 г. о трансформационной грамматике для финно-угорских языков). Финно-угроведение рассматривалось участниками конгресса как международная наука, но объединяющая их не решением общих проблем, которые были бы интересны для представителей и других национальных лингвистик, а материалом исследования – финно-угорскими языками. Иными словами, финно-угроведение развивалось в отрыве от приоритетных направлений лингвистики, намечаемых на МКЛ. Ко времени проведения V финно-угорского конгресса в 1980 г. увеличился интерес к проблемам теоретической лингвистики, о чем свидетельствуют доклады М. Корхонена о структурально-типологических веяниях в уральских языках, доклад М. Реммеля об автоматическом анализе текстов, сообщения на синтаксические темы, сделанные с учетом положений континентальной типологии (Х. Рятсеп) или с указанием на неприменимость традиционных категорий к анализу синтаксиса самодийских языков (Т. Марк). Прозвучали доклады по ареальной лингвистике (И. Футаки, Л. Хонти) и т.д. Вместе с тем не прекращались исследования и по компаративистике (Р. Хармс, И. Батори, Т.-Р. Вийтсо, Ю.А. Морев, В.К. Кельмаков, К. Реден, Г. Ганшов и др.). На трех последующих конгрессах стали особенно заметны успехи финно-угорской компаративистики.

Последний, VIII конгресс, заставил его участников задуматься о будущем финно-угроведения. По окончании конгресса прозвучал вопрос о размежевании наук, о раздельном проведении конгрессов лингвистами, литературоведами, археологами,

историками, этнографами (Матичак, Сейленталь 1996), но не поднимался вопрос о необходимости быстрее преодолеть разрыв между общемировой лингвистикой и финно-угроведением. Замедленное вхождение финно-угроведов в лингвистическое сообщество и наблюдаемый до сих пор некоторый разрыв с теоретической лингвистикой частично объяснимы историей возникновения финно-угроведения.

Становление финно-угроведения на Западе и в России, начиная с XIX века⁴

Для становления и развития финно-угроведения (в отличие от историографии лингвистики индоевропейских народов) характерны три момента. *Во-первых*, все уральские народы, населяющие Европу в период зарождения и оформления финно-угроведения в качестве самостоятельной науки, были длительное время под властью других народов – шведов, немцев или русских. Это обстоятельство тормозило развитие родных языков и культур. Отсюда – и несколько запоздалое появление собственных лингвистических кадров из числа носителей финно-угорских языков. *Во-вторых*, большинство финно-угорских и самодийских народов в России, а некоторые народы и за ее пределами (саамы) были объектом миссионерской деятельности: изучение языка инородцев в России связано с желанием распространения христианства, хотя усилиями отдельных энтузиастов (как русских, так и носителей языка) нередко преследовались и просветительские цели, для достижения которых создавались небольшие словарики и учебные пособия. Часто словари составлялись (иногда издавались, а иногда попадали в архивы, где до сих пор ждут своего издателя) не профессионалами (лингвистами), а дилетантами, по долгу службы сталкивавшимися с языками местного аборигенного населения. *В-третьих*, с середины XIX в. у финнов, венгров и эстонцев возник интерес к изучению родственных языков за пределами своих стран, не связанный ни с миссионерской деятельностью, ни с любопытством путешественников. В это же время лингвисты, занимающиеся неиндоевропейскими языками, в том числе и финно-угроведы, стали интересоваться компаративистикой.

В 1870-е гг. сравнительное изучение венгерского, финского и родственных с ними финно-угорских языков было еще новой и мало разрабатываемой областью сравнительного языкознания. Применяя методы, выработанные на материале индоевропейских языков, к языкам финно-угорским, лингвисты (М.А. Кастрен, А. Альквист, О. Доннер, А. Генетц, позднее Ю. Вихман, Х. Паасонен, Э. Сетэля, Й. Буденц, Ж. Шимоньи, Й. Синinei, М. Веске и др.) **создали основы финно-угорского сравнительно-исторического языкознания, которое и стало называться финно-угроведением.**

Со временем открытия, сделанные финно-угроведами, заставили их признать, как говорит Лаури Хонко (Honko 1995: 160), что "родство между финским и хантыйским было не ближе, чем между шведским и санскритом". В результате выяснилось, что "The identities in question were different in the European perspective: dominant in one category vs. peripheral in the other, majority vs. minority identities based on well-documented vs. poorly-documented facts. Basically, it was the difference between written history & history-yet-to-be written". Финно-угроведы должны были написать историю своих народов и их языков заново.

⁴ В данном разделе частично использован текст устного доклада, прочитанного 22. 09. 1997 г. на научной конференции, посвященной 125-летию Кафедры финно-угроведения Будапештского университета (Kuznyecova A. A magyar finnugrisztika kapcsolatai az oroszországi uralisztikával: azonos és eltérő tudományos érdekek. – 125 éves a Budapesti finnugor tanszék. Budapest, 1998 : 27–32).

Если рождение индоевропеистики было подготовлено усилиями многих людей в течение многих столетий, то финно-угроведам пришлось пройти подготовительный этап накопления материалов по сравниваемым языкам в считанные десятилетия (конечно, это было бы невозможно без уже существовавших изолированных сведений о языках и народах в Предуралье и в далекой Сибири). Если в XIX–XX вв. лингвисты-индоевропеисты могли работать, сидя в своих кабинетах и библиотеках, то лингвисты финно-угроведы в это время должны были еще собирать материал для компаративистских исследований в тяжелых полевых условиях. Требовалось первоначальное накопление большого материала по разным финно-угорским языкам, в первую очередь, – по языкам российских финно-угров и самодийцев, а также по языкам саамов, живущих в Финляндии, Норвегии, Швеции и в России. Сбором материала на первых порах начали активно заниматься западноевропейские финно-угроведы, причем, делали они это под определенным углом зрения, имея конечной целью обнаружение и доказательство родства финно-угорских языков, выведение фонетических соответствий и законов, установление границ между языками, для чего требовалось изучение "наиболее изолированных от внешнего мира диалектов, речевых формул и текстов наиболее традиционного характера", "изучение по возможности более архаичных языковых форм" (Хайду 1985: 364). В результате установок такого рода в использовании накопленного материала возникла диспропорция, и "во главу угла вскоре встали этимология и историческая фонетика – излюбленная область сравнительного языкознания" (Хайду, т.ж.).

В конце XIX – начале XX вв. собирателями и исследователями финно-угорских языков были энтузиасты-одиночки, необычайно много сделавшие для становления и развития уралистики. Среди них ведущее место принадлежит финнам и венграм. Нередко исследователь умирал, не успев издать свои труды. Начатое великими собирателями доделывали их ученики и последователи. Такова судьба работ А. Регули, в издании которых после его смерти принимали участие П. Хунфальви, позднее – М. Жираи, Д.Р. Фокош-Фукс, Й. Папай (хантыйские тексты, собранные самим Й. Папай, опубликовал И. Эрдей); сходную судьбу имели труды Б. Мункачи, фольклорно-этнографические тексты которого издал Д.Р. Фокош-Фукс под названием "Народные обычаи и народная поэзия удмуртов", и др. Аналогичная судьба постигла материалы, собранные М.А. Кастреном, которые опубликовал в 12 томах А. Шифнер; часть рукописного наследия М.А. Кастрена издал Т. Лехтисало; мордовские тексты, собранные Х. Паасоненом, увидели свет благодаря усилиям П. Равилы; хантыйский словарь по кондинскому и юганскому диалектам подготовил к печати К. Доннер, собственные материалы которого по селькупскому языку (тексты и словарь) не изданы до сих пор. Примеры можно множить (Хайду 1985, с. 349-350, 357, 367-368 и др.).

По мере введения в научный оборот все новых и новых (нередко бесписьменных) языков, распространенных в России, до тех пор мало изученных и также относящихся к уральским языкам, постепенно обнаруживалось и становилось общепризнанным их родство с финским, эстонским, венгерским языками.

Повышенное внимание полевику в период становления финно-угроведения к языковым раритетам позволило сохранить для будущей науки в условиях последующего, иногда стремительного, разрушения многих уральских языков в России устаревающие элементы в языке и дало возможность в настоящее время строить исторические грамматики этих языков, обращаясь к реальным языковым фактам, а не к их гипотетическим реконструкциям. Отсюда и проистекает неопределимость вклада первых венгерских, немецких, финских, эстонских, русских и других собирателей уральских текстов – текстов, в которых засвидетельствованы для потомков исчезнувшие языковые и этнографические данные. В дальнейшем интерес западных

лингвистов к языкам финно-угорских народов России не ослабевал, но характер работы изменился: начался период осмысления материалов под новым углом зрения и часто с использованием материалов, собранных к этому времени российскими финно-угроведами.

Развитие финно-угроведения в России в XIX – начале XX в. шло иными путями: "первичное накопление" материалов не было подчинено идее сравнительно-исторического изучения финно-угорских языков на базе собранных языковых данных. Не существовало вплоть до XX в. и самого финно-угроведения как самостоятельной науки, несмотря на то, что отдельные русские лингвисты (А.А. Шахматов, Н.С. Трубецкой) и просветители из числа местного населения (напр., И.А. Куратов) занимались финно-угорскими языками. В России финно-угроведение сложилось на базе решения практических задач, таких, как составление письменностей для бесписьменных языков, создание литературных языков на базе диалекта, который надо было выбрать для этой цели удачным образом (что не всегда получалось). Последнее привело к необходимости описания диалектов (особенно активно силами национальных кадров шло описание диалектов пермских языков. Ср. также исследование диалектов в Эстонии – бывшей республике СССР (Универе 1947), и в др. республиках).

Составление словарей, грамматик школьного и научного типов, а с конца 1920-х и в 1930-е гг. составление письменностей для бесписьменных языков уральских народов в Сибири и в европейской части России приобрело массовый характер. Языки, имевшие ранее письменность, нередко тоже подвергались языковому планированию. В стране началось так называемое *языковое строительство*, которому много сил и времени отдали Д.В. Бубрих, Б. Гранде, Н.К. Каргер, А.П. Рябов, Н.Ф. Яковлев и др. (Кузнецова 1997 а). Одновременно сравнительно-историческое изучение финно-угорских языков замедлилось в предвоенный период в связи с господством марризма в российском языкознании.

Именно в это время финно-угроведение как наука, единая уже для Запада и России, вышло за свои первоначальные рамки (то есть за рамки компаративистики), включив в круг своих задач синхронное и проводимое вне сравнения с другими языками изучение финно-угорских и самодийских языков на всех языковых уровнях, описание диалектов, формирование норм литературных языков в случае, если литературные языки появились. (Сейчас в финно-угроведение включают даже исследование литератур уральских народов, что правильнее было бы называть финно-угорской филологией). Что касается языков младописьменных, то там ведутся только бесконечные споры скорее политического характера, однако сам анализ функционирования нормированного (литературного) языка и разговорной ненормативно-сниженной речи не проводится. О трудностях создания литературных языков для языков, недавно обретших свою письменность, но не получивших наддиалектную литературу, говорилось и писалось очень много, в том числе на VIII Международном конгрессе финно-угроведов (Zaicz 1995). К единому мнению дискутирующие так и не пришли.

Разумеется, интерес и российских, и западных языковедов к этимологическим исследованиям, к происхождению звуков и форм слов оставался⁵; более того, долгое время он был приоритетным направлением. В результате даже в работах, не имеющих

⁵ Финно-угроведы часто ставят знак равенства между историей языка и его этимологизированием, забывая, что при этимологической работе строятся гипотезы, а не анализируется материал древних памятников языка, как при историческом исследовании. В хунгарологии и финнистике можно исследовать и исследуются проблемы, связанные с функционированием языка и его историей. Исторических же описаний современных российских финно-угорских языков все еще слишком мало, хотя сведений исторического характера накопилось уже достаточно много и для волжских, и для пермских языков, и даже для самодийских.

никакого отношения к области фонологии, до сих пор лингвисты часто считают своим долгом приводить этимологии изучаемых слов, словоформ, окончаний, аффиксов, что напоминает реверанс в знак уважения к достижениям этимологов.

Современное финно-угроведение (особенно в России), к сожалению, игнорирует слишком многие теоретические достижения лингвистики и сужает сферу своих исследований, почти не занимаясь семантикой (особенно когнитивной⁶), не используя новейших синтаксических теорий типа ролевого синтаксиса, оставаясь в рамках описательной лингвистики и не переходя к объяснительной. Не случайно П. Хайду писал о пропасти, не до конца преодоленной вплоть до настоящего времени, "между финно-угристикой и общим языкознанием, которое во всем мире развивалось и преобразовалось исключительно быстро" (Хайду 1985: 365). В результате финно-угроведение оказалось изолированным от интересов современной общемировой лингвистики, которая использует финно-угорские материалы в ограниченном количестве. Между тем, в финно-угроведении накоплен столь богатый фактический материал, остающийся неизвестным и во многом недоступным лингвистам-теоретикам, что от этой "нестыковки" теряют и те, и другие.

Наличие некоторого теоретического застоя в современном финно-угроведении сказывается, прежде всего, в суженности разрабатываемых тем при недостаточном внимании (и на Западе, и в России) к вопросам истории языков, к проблемам этнолингвистического характера, а также к семантическому и синтаксическому уровням. Застой усиливается за счет разрыва между западным и российским финно-угроведением: на Западе плохо известно, чем занимаются российские финно-угроведы, в России – над чем работают западные лингвисты; на Западе явно преобладает интерес к вопросам этимологического характера (хотя многие лингвисты уже обращаются к общетеоретической тематике), а в России – к описанию диалектов, к изучению лексических полей и вопросов грамматики при использовании часто устаревшей методики анализа. Имеющиеся исключения (напр., интерес к полипредикативности при изучении самодийских и обско-угорских языков) только подтверждают правило.

Достижения и научные парадигмы в уралоистике XX века

Уже отмечалось, что финно-угроведение в первичном понимании данного термина достигло значительных успехов за период со времени своего возникновения. Именно сравнительно-историческое финно-угроведение, с завидным постоянством занимающееся исторической фонетикой и этимологией (особенно на Западе), является единственной, получившей свое четкое оформление, основной парадигмой уральского языкознания в течение целого столетия, вплоть до середины XX в., когда стали вырисовываться контуры других направлений. Только в этой научной парадигме сложились единые методы, цели и объекты исследования, которыми пользуются все компаративисты, независимо от своей принадлежности к той или иной национальной лингвистике⁷. В рамках этой парадигмы возник особый интерес к проблемам членения языка-основы, к выделению праязыков и поискам прародины уральцев⁸. О прародине

⁶ Впрочем, в последние годы в Финляндии (Турку) была организована Ассоциация по когнитивной семантике во главе с президентом FICLA профессором Т. Хуумо.

⁷ Именно поэтому не столь существенным, как может показаться на первый взгляд, является большее, судя по BSU III (Bibliographia Studiorum Uralicorum, III. Helsinki 1994), количество статей на другие темы, поскольку ни в одном другом лингвистическом направлении не возникло четко сформулированных задач, методов анализа, которым бы следовали языковеды национальных лингвистик; нет и единой терминологии.

⁸ Об интересе финно-угроведов к проблемам праязыкового членения, местонахождения прародины уральцев и их древнему расселению свидетельствует, в частности, книга Э. Сий, представляющая собой атлас карт, собрание схем, диаграмм, родословных деревьев и т.п. материалов (Szj Enikő. Finnugor Hol-Mi I. Budapest 1990).

Произойдет ли в XXI в. смена парадигмы в изучении уральских языков?

уральцев, как и о времени распада праязыков, велись споры, начиная с XIX в. Эстонские, финские, венгерские, русские и др. лингвисты, историки, археологи (см. Ф.И. Видеман, М.А. Кастрен, Э. Итконен, П. Аристэ, А. Йоки, Р. Индреко, И. Фодор, Д. Ласло, П. Вереш, Е. Молнар, Я. Гуя, П. Хайду, О.Н. Бадер, Г.Н. Прокофьев, П.Н. Третьяков, А.Х. Халиков, Б.А. Серебrenников, В.Н. Чернецов, Е.А. Хелимский и др.) построили множество реконструкций уральской прародины, так и не достигнув полного согласия. Столь же длительны были растянувшиеся на столетие с лишним споры о внешних границах уральской семьи, сомнения в родстве уральских языков с языками других семей (напр., с юкагирским языком, см. (Николаева 1988)) или некоторых исчезнувших языков с той или иной конкретной ветвью уральской семьи (см. дискуссию по поводу мерянской проблемы А. Алквист и А.К. Матвеева на страницах журнала "Вопросы языкознания" в 1997–1999 гг.). Споры о диалектном членении внутри отдельных языков (особенно селькупского и хантыйского) не затухают до сих пор (ср. для финских языков: Salminen 1998: 390–406)).

В последнее время стали наиболее заметны поворотные моменты в развитии уралистики XX в., к которым можно отнести следующие:

- К концу столетия наметилось переключение интереса с фонетико-фонологического уровня на следующие уровни – морфологический, синтаксический, лексико-семантический, а в плане методики анализа – переключение с формального анализа на смысловой. В области синтаксиса привлекли к себе внимание теории полипредикативности и глубинного синтаксиса. Грамматические категории стали исследоваться с содержательной точки зрения (см., напр., работы Е.К. Скрибник). В области семантики, по крайней мере, в отдельных уральских языках (в частности, в селькупском и удмуртском) началось изучение языковых картин мира (того, что В. Гумбольдт называл духом народа, закрепленным в языке) и пробудился интерес к вопросам когнитивной лингвистики.
- Исчезновение и разрушение ряда языков малочисленных уральских народов создало особую область уральской социолингвистики, особенно активно развивающейся в последнюю треть XX в. (см. работы П. Аристэ, О.А. Казакевич, А. Кюннапа, П. Саммаллахти, Е.А. Хелимского, Т. Салминена, С. Сухонена, Ю. Янхунена и многих других). Все силы лингвистов, занимающихся этими вопросами, направлены на сохранение вымирающих языков.
- Появление и развитие компьютерной лингвистики привело к созданию текстовых и словарных баз данных для все большего числа уральских языков, предоставило возможность сохранения сведений об исчезающих языках и открыло новые перспективы для типологических исследований в области уралистики. Последнее особенно существенно.

Всеми этими вопросами лингвисты стали интересоваться в конце века, и это вызвало появление к жизни новых задач.

Задачи, стоящие перед уралистикой, на ближайшие десятилетия

К концу XX столетия финно-угроведение оказалось в стороне от набирающего силу типологического направления в теоретической лингвистике. В результате материалы финно-угорских языков редко встречаются в типологических работах последних лет (изредка можно найти примеры из венгерского, финского, эстонского языков, в еще меньшей мере – из мордовских и единичные из других).

Для того, чтобы факты уральских языков привлекли к себе внимание типологов и могли быть использованы лингвистами в работах по типологии, необходимо, прежде всего, установить те языковые явления (грамматические категории, фонетические

закономерности⁹ и т.д.), которые фиксируются современными типологами на материале других языков мира, и обратиться к изучению данных явлений в уральских языках. При этом сходства и различия должны искаться не в самом языковом материале, как это делалось при сравнительно-историческом исследовании, а в законах организации этого материала. Одновременно необходимо привлечь внимание лингвистов и к раритетам финно-угорских языков, чтобы типологи, в свою очередь, могли заняться поисками аналогичных явлений в других языках.

Современная типология пришла на смену типологическим взглядам лингвистов XIX в.: вместо жестких классификационных схем XIX в. в начале XX в. появилась скользящая классификация, использующая множество разных параметров, позволяющих выявлять степень структурной близости языков независимо от их родства, от времени и пространства и обнаруживать так называемые универсалии (см. работы Э. Сепира, Дж. Гринберга, Б. А. Успенского, И. Ш. Козинского и др.).

К концу XX столетия в развитии типологии произошли новые изменения. Исследование структурных сходств, лежащих в основе хорошо описанных языков Европы, привлекает все большее внимание со стороны лингвистов. В Европе насчитывается более сотни языков и среди них – половина неиндоевропейских, в том числе уральские, монгольские, кавказские, тюркские и др. Успехи теоретической лингвистики, достигнутые в течение нескольких последних десятилетий в области сравнения грамматических структур языков Европы, сделали возможным более глубокое понимание повторяющихся от языка к языку грамматических моделей. Несмотря на кажущееся разнообразие структур на поверхностном уровне, многие индоевропейские и неиндоевропейские языки демонстрируют такую степень структурного сходства, которая удивляет исследователей и которую объясняют иногда наличием Европейского языкового союза (это сходство в структурах называют также средневропейским стандартом). Сущность типологии кроется в поисках таких структурных черт (относящихся к фонетике, грамматике, лексике и даже дискурсу), каждая из которых может варьироваться от языка к языку независимым путем, но в действительности все изменяются сходным образом, испытывая зависимость от каких-то других структур. Так, была установлена зависимость порядков слов от право- или левостороннего ветвления предложения и ряд других зависимостей. Открытие и объяснение таких взаимозависимостей входит в задачу современной типологии. С 1997 г. выходит журнал "Linguistic Typology", в статьях которого (как и в других изданиях по типологии) сравниваются регулярные и окказиональные черты какого-либо языка с аналогичными структурными чертами других языков. Исследуется типология рода, числа, дейксиса, посессивности, рефлексива, реципрока, инфинитности и т.п. Адвербиальные конструкции, время и вид, артикли, синтаксис клитик, словесная просодическая структура, порядки слов подвергаются сравнению в разных языках. В результате подобных типологических сопоставлений начинает по-другому пониматься и структура родного языка.

Типологические исследования могут вестись различными методами.

1) Анализу подвергается один язык (напр., с точки зрения типологии порядка слов), при рассмотрении которого исследователь отталкивается от уже известных, установленных ранее, универсалий (Кузнецова 1999b). Типологический анализ такого

⁹ Недоступность фонетистам-теоретикам материала в области уральской фонетики и фонологии связана с расхождениями в транскрипциях МФА и ФУ, на что жалуются практически все фонетисты (особенно не финно-угроведы), которые не в состоянии представить себе артикуляционные и акустические особенности звуков того или иного финно-угорского или самодийского языка, о звуковой стороне которых они не имеют возможности судить сами.

рода может опираться на существующую методiku установления сети отношений между разными языковыми явлениями в пределах одного языка. Так, делались попытки обнаружить взаимозависимость гармонии гласных в финно-угорских языках, ударения и вокализма первых слогов (Грузов 1970: 12).

2) Типологическое исследование проводится на материале многих языков, но в рамках одной группы родственных языков или одной языковой семьи. Это позволяет получить "групповой" или "семейный портрет" анализируемого явления. На возможность применения такого группового типологического подхода к изучению языков в пределах одной генетической семьи указывали в свое время Р.О. Якобсон, Н.С. Трубецкой, П. Хартман и др., ориентируясь на материалы индоевропейских языков. Установление типологических коррелятов внутри генетически родственных групп языков позволило бы одновременно заметить типологическую специфику каждой из групп данной семьи: типологические исследования в пределах сначала одной группы языков, а затем и остальных групп, относящихся к данной языковой семье, дают более достоверные результаты, чем при сравнении, полученном, как правило, из вторых рук, языков разных семей, поскольку предполагают лучшее знакомство с материалом, вплоть до учета диалектных фактов. Осуществлять подобный анализ можно на всех языковых уровнях, см. (Help 1996; Comrie 1980; Comrie 1988; Künnar 1998; Кузнецова 1997b, 1999a; Паюсалу 1958 и др.). Созданием групповой и "семейной" уральской типологии финно-угроведам желательно заняться в первую очередь. Опыты в этом направлении уже делались. Напр., описание уральских языков в серии (Языки мира 1993) построено по жесткой схеме (Журиная 1986), позволяющей типологам сравнивать "горизонтально" по всем уральским языкам какую-либо определенную категорию и отмечать ее наличие в одних языках и отсутствие в других, а также сходство или различие в способах ее выражения. Однако, строго заданная схема мешала авторам подробнее останавливаться на каких-либо специфических чертах описываемого языка, отсутствующих в других уральских языках. Большая свобода в описании уральских языков имеет много своих плюсов (ср. Abondolo 1997), но при этом сравнение всех уральских языков по той или другой черте для типолога будет затруднительно, как и выявление таким образом расхождения в терминологии или в самих анализируемых явлениях. При создании "групповых портретов в интерьере семьи" акцентируется внимание и на аномальных (специфических) чертах каждого конкретного языка. Вместе с тем никогда нельзя быть уверенным в абсолютной уникальности таких черт, хотя для отдельных групп языков они могут быть названы уникальными. В подобной ситуации следует выйти за рамки одной семьи и начать искать для черты, индивидуальной в пределах данной группы языков, структурно родственные черты среди других языков мира: поиски могут увенчаться успехом.

3) В этом последнем случае, помимо создания "семейных портретов", лингвист обращается к зарисовке "языковых профилей", сравнивая по какой-то структурной черте языки, генетически далекие друг от друга. К сожалению, подобных работ мало, хотя решение данной задачи подготовлено работами в области контрастивной лингвистики, в которых проводились сравнения по каким-либо признакам двух или нескольких не родственных языков. Так, сопоставлялись формы прошедших времен в немецком и удмуртском языках (Д.Я. Новикова), придаточные времени и условия в удмуртском и русском языках (Н.Д. Тимерханова), имена деятеля в венгерском и русском (Л.В. Гаркуша), отдельные словообразовательные гнезда в тех же языках (А.Ф. Сован), суффиксы, оформляющие наименования ягод, в русском и финском языках (М. Ojanen), выражение направленности движения в тех же языках (К. Mäkilä) и др. Иногда финно-угорские языки сравнивались с тюркскими или индоевропейскими;

лишь изредка круг сопоставляемых языков заметно расширился (Austerlitz 1980; Володин 1990; Селицкая 1996).

Какую бы методику ни использовал типолог, основным должны быть поиски взаимозависимостей между анализируемыми структурными признаками в сравниваемых языках и объяснение причин (в том числе, и лингвистического характера) установленных корреляций.

Известно, что уральские языки имеют как общие, так и специфические черты на всех языковых уровнях. Специфику отдельных языков часто объясняют их разрозненностью и обилием контактов каждого из них с языками других семей, но, выйдя за пределы языковой семьи, можно, по всей видимости, обнаружить иные, чисто языковые глубинные причины, скрытые в структуре многих языков.

Фонологические системы уральских языков характеризуются большим разнообразием в области вокализма, консонантизма, просодии. Если взять в области вокализма такие черты, как наличие или отсутствие оппозиций *долгие – краткие гласные, гласные полного образования – гласные редуцированные*, наличие только *монофтонгов* или наличие оппозиции *монофтонги – дифтонги* или даже *трифтонги; сингармонизм – его отсутствие* или его *реликты*, и рассмотреть их распределение по конкретным языкам, можно будет установить пучки пересечения отдельных признаков, разные в разных языках. Установленную таким способом взаимозависимость признаков в области системы гласных затем следует сопоставить с наличием или отсутствием других признаков, напр., в области ударения: с наличием ударения словесного или фразового, динамического или комплексного (долготно-динамического или долготно-тонального), приходящегося на первый, последний, второй от конца слог или являющегося разноместным нефиксированным и различающим смысл. Полученную сеть отношений необходимо будет далее сравнить с системой согласных и попытаться связать полученные взаимозависимости с особенностями консонантизма: допустимо или нет скопление согласных (и каких именно) в начале слова, в конце и середине, могут ли начинать слово звонкие согласные или допустимы только глухие в начале слова и т.д. Естественно, что установленные сети отношений между разными признаками на синхронном уровне можно соотнести с данными этимологического характера, воспользовавшись, напр., материалами приложений к книге (Décsy 1990) и др.

Типологам предстоит огромная работа по выявлению, констатации сети отношений между названными и другими параметрами, а затем и объяснение всех сходств и различий в области фонетики уральских языков. При этом фонетика не должна быть изолирована от грамматики. Попытки установить корреляцию фонетических и морфологических признаков на примере взаимоотношения агглютинации и сингармонизма предпринял Г. П. Мельников (Мельников 1965); свои объяснения постепенной утраты сингармонизма в уральских языках он строил на учете функциональной роли сингармонизма в языке и наличия флексии.

Для уральских языков отмечаются различия в расположении аффиксов в морфемных структурах слов: в Sg в одних языках показатель падежа следует за показателем Px (посессива), в других – наоборот, при этом и в той, и в другой группе в отдельных падежах (чаще всего в Acc.) порядок может быть иным, чем в остальных падежах данного языка (Comrie 1980: 81–86; Künnar 1998: 265–267; ОФУЯ). Суффикс Pl везде идет перед показателями падежа и Px, но порядок последних меняется от языка к языку. Например: *основа + Pl + падеж + Px* (прибалтийско-финские языки), *основа + Pl + Px + падеж* (венгерский язык, мансийский, коми), причем в коми используется обычный суффикс Pl, а в остальных – суффикс притяжательной множественности (интересные результаты дает сравнение с алтайскими языками). Префиксы – редкое

явление для уральских языков, но важно, тем не менее, установить, связано ли их наличие в языке с порядком следования указанных морфем в слове, или имеет другое объяснение.

В уральской морфологии типологически одинаковыми для большинства языков можно назвать следующие черты: все уральские языки являются агглютинативными, но в большинстве языков, и особенно в прибалтийско-финских, самодийских и саамских, имеются элементы флективного строя (неоднозначность суффиксов, фузия на стыках морфем). Этот факт вызывает противоречивые объяснения (Б. А. Серебренников, О. П. Суник, А. А. Реформатский, В. В. Сенкевич-Гудкова и др.). В свою очередь, агглютинативностью (там, где она более четко выражена) можно объяснить значительное количество падежей в разных диалектах и в разных языках (иногда более 20 при среднем количестве 13 падежей), хотя возможны и трехпадежные системы (см. хантыйский язык). Общим признаком уральских языков является наличие двух типов склонения – безличного и лично-притяжательного (в ненецком есть также лично-предназначительное, иначе предестинативное склонение, частично представленное также в энецком и нганасанском языках). Категория числа Sg и Pl характерна для большинства уральских языков, но в самодийских, обско-угорских языках и в некоторых говорах саамских языков имеется еще и Du (Du, как показывают наблюдения над селькупским языком, характерен для значения собирательности). При отсутствии артиклей (артикл имеется только в венгерском и слабо развит в мансийском языках) артиклевые функции берет на себя глагол (в мордовских и некоторых других языках). При повсеместном употреблении наряду с падежами послелогов есть и предлоги в прибалтийско-финских и саамских языках; особенностью именного словоизменения является существование категории предикативности у имени (в самодийских и мордовских языках) и т.д. Глагольные парадигмы уральских языков еще более многообразны, и выделить типологически сходные глагольные черты труднее, чем в именах, не говоря уже об установлении взаимосвязей всех грамматических признаков. На первый взгляд кажется, что типолог имеет дело со случайным конгломератом гетерогенных признаков, но постепенно выясняется, что между разнородными чертами существует связь, которая носит сложный и гибкий характер и который можно попытаться установить (Кацнельсон 1965). Тем более назревшим надо считать проведение работы в данном направлении.

Сравнение всех уральских языков затрудняет отсутствие единой терминологии и недостаточная разработанность содержательной стороны грамматических категорий, особенно в глаголах.

В синтаксисе разных уральских языков также немало различий. Более типичным считается порядок членов в предложении SOV (отклонения от типичного порядка являются допустимыми при актуализации предложения). Нередко доминантным является расположение типа SVO (финский язык, саамские, пермские, реже мордовские и венгерский). Согласование сказуемого с подлежащим происходит по числу и лицу, но часто встречается согласование по смыслу, когда собирательное существительное в Sg согласуется с глаголом в форме Pl. Определение с определяемым, как правило, не согласуется, так как во многих языках прилагательные и числительные в функции определения не изменяются в числе и падеже (исключение – прибалтийско-финские языки, отдельные диалекты саамских языков). Встречается изафет разных видов. Глагольные инфинитивные формы (инфинитив, причастия, отглагольные существительные) могут принимать личные глагольные суффиксы, посессивные и даже падежные показатели и преобразовываться таким образом в финитные формы, создавая возможность образования полипредикативных конструкций, которым во многих других языках соответствуют придаточные

предложения. Уральские языки в целом относятся к синтетическим, но в них немало аналитических конструкций: наличие отрицательного спряжения со вспомогательным глаголом, послеложные конструкции и др. Задача состоит в том, чтобы попытаться определить пучки пересечений разных черт, установить их взаимозависимости и их соотношение со структурно сходными единицами языков мира.

На рубеже веков возникает большой соблазн строить прогнозы. Но, как представляется, разумнее не делать прогнозы, не фантазировать о том, что может произойти в далеком будущем, а говорить о тех конкретных ближайших задачах, которые были намечены, но не осуществлены в XX в.

Помимо задач типологического характера, одним из основных направлений в работе лингвистов должна стать работа по документации языков мира, предпринятой по разработанным параметрам, **создание сетей языковых баз данных**, составление текстовых и словарных (том числе и международных) баз данных с учетом особенностей разговорной речи, которая постепенно попадает в поле зрения финно-угроведов. Давно пришла пора составить общий **атлас уральских диалектов**, пока многие из них еще не исчезли окончательно, как это случилось уже с рядом хантыйских, селькупских говоров и диалектов и диалектов других языков. Столь же насущным делом является **лексикографическая работа**. До последнего времени в уральской лексикографии существует лишь ограниченный набор типов словарей и (что особенно прискорбно) далеко не для всех уральских языков. В основном это переводные, толковые, этимологические, диалектологические, терминологические, разного вида ономастические (топонимические, антропонимические и т.п.) словари, словари языка отдельных писателей и др. В последнее время стали появляться обратные словари (напр., удмуртского языка), тезаурусы (тематические словари). Недавно изданы первые морфолого-грамматические словари энецкого (Mikola 1995) и ненецкого языков (Salminen 1998). Словари – основная сокровищница языка, и потому на их составление нельзя жалеть ни сил, ни времени. Именно в них отражается уходящая эпоха, именно они могут сохранить память об исчезающих (см. словарь водского языка (Tsvetkov 1996)) и уже исчезнувших (Helinski 1997) языках. Не меньшую ценность представляет и **издание архивных материалов** исследователей прошлых эпох.

К концу века всеми признана **необходимость комплексного подхода к языку** и отдельным его явлениям, а это значит, что нужно укреплять и развивать двусторонние связи с социологией, психологией, археологией, историей, этнографией и др. науками.

Лингвистов ждет отказ от традиции, в соответствии с которой изучались только типовые явления, поддающиеся удобной классификации, отказ от пренебрежительного отношения к периферийным и маргинальным явлениям. Старые системы рушатся, их элементы переструктурируются. Каждое языковое явление может быть проинтерпретировано по-разному разными исследователями в одно и то же время. В этих различных трактовках одного и того же факта нередко кроется зародыш будущих поворотных моментов в развитии науки, зарождение будущей новой парадигмы. Выполнение всех насущных задач, стоящих перед лингвистикой, неминуемо приведет к смене научной парадигмы в финно-угроведении в XXI веке, а какой она будет, покажет время, хотя финно-угроведы могут и сами сознательно вмешаться в этот процесс.

Литература

- Володин, А. П. 1990, К типологии падежных форм (на материале палеоазиатских и уральских языков) – Вопросы финно-угорской филологии. Ленинград, 3–17.
- Грузов, Л. 1970, К проблеме гармонии гласных в финно-угорских языках – Congressus Tertius Internationalis FU I. Tallinn, 12.
- Журинская, М. А., Новиков, А. И., Ярославцева, Е. И. 1986, Энциклопедическое описание языков. Теоретические и прикладные аспекты.
- Кацнельсон, С. Д. 1965, О понятии морфологического типа языка – Морфологическая типология и проблема классификации языков, 107–108.
- Кузнецова, А. И. 1997а, Создание и становление письменности как социо-лингвистическая проблема – Малые языки Евразии: социо-лингвистический аспект, 44–63.
- – 1997б, Типологическое изучение финно-угорских и самодийских языков в рамках одной семьи как одно из перспективных направлений современной уралистики – Перспективные направления развития в современном финно-угроведении, 48–51.
- – 1999а, Типологически уникальные черты в уральских языках – Труды Международного семинара Диалог'99 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Под ред. А. С. Нариньяни. Т.1. Теоретические проблемы. Казань, 151–155.
- – 1999б, Селькупский язык с точки зрения типологии порядка слов – Типология и теория языка. От описания к объяснению, 88–98.
- Матичак, Ш., Сейленталь, Т. 1996, Финно-угорский конгресс в Ювяскюля – Linguistica Uralica, XXXII 1, 71–75.
- Мельников, Г. П. 1965, О взаимоотношении агглютинации и сингармонизма – Морфологическая типология и проблема классификации языков, 298–301.
- Николаева, И. А. 1988, Проблема урало-юкагирских генетических связей. ОФУЯ = Основы финно-угорского языкознания. I–III, 1974–1976.
- Паюсалу, Э. 1958, Внешнеместные падежи в прибалтийско-финских языках (функции падежей), Таллинн.
- Селицкая, И. А. 1996, "Отрицательные глаголы" в урало-алтайских и других языках, СПб.
- Серебренников, Б. А. 1990, Уральские языки – ЛЭС.
- Универе, А. 1947, Исследование диалектов в Эстонии и диалектологические материалы Архива Эстонского и Финно-угорских Языков – Filoloogilisi ettekanded peetud soome-ugri teaduste konverentsil Leningradis, 101–114.
- Хайду, П. 1985, Уральские языки и народы.
- Abondolo, D. 1997, The Uralic languages. London-New York.
- Austerlitz, R. 1980, Uralic morphological typology: the wider view – Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars II, 5.
- Comrie, B. 1980, The order of case and possessive suffixes in Uralic languages – Lingua Posnaniensis 23, 81–86.
- – 1988, General features of the Uralic languages – The Uralic languages: description, history and foreign influences. Leiden–New York–Kobenhavn–Köln, 451–477.
- Décsy, G. 1977, The Uralic protolanguage: a comprehensive reconstruction, Bloomington.
- Helimski, E. 1997, Die matorische Sprache, Szeged.
- Help, T. 1996, "Free" word order: Finnish vs. Estonian and Hungarian – Linguistica Uralica, XXXII 1, 21–30.

- H o n k o, L. 1995, Vertical heritage in horizontal adaptation: Presentations of oral poetry and belief systems among the Finno-Ugrians – Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I. Jyväskylä, 159–166.
- K ü n n a p A. 1998, On the original order of case and possessive suffixes in Uralic – MSFOU 228: Oekeeta asijoo. Commentationes Fenno-Ugricae in honorem Seppo Suhonen sexagenarii, Helsinki, 265–267.
- L a l l u k k a, S. 1995, Assimilation and its measurement: Finno-Ugrian peoples of Russia – Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I. Jyväskylä, 159–166.
- L a u e r m a P. 1998, Reunahuomautuksia Rosonam ja Kurkolan murteiden erojen syistä – MSFOU 228: Oekeeta asijoo. Commentationes Fenno-Ugricae in honorem Seppo Suhonen sexagenarii, Helsinki, 280–283.
- M i k o l a, T. 1995, Morphologisches Wörterbuch des Enzischen, Szeged.
- S a l m i n e n T. 1998, Pohjoisten itämerensuomalaisten kielten luokittelun ongelmia – MSFOU 228: Oekeeta asijoo. Commentationes Fenno-Ugricae in honorem Seppo Suhonen sexagenarii, Helsinki, 390–406.
- 1998, A morphological dictionary of tundra Nenets, Helsinki.
- Z a i c z, G. (Red.) 1995, Zur Frage uralischen Schriftsprachen, Budapest.